

С М И Е Ш А

14
1945

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

С М Е Ш А

Июль ★ № 14 ★ 1945 год

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

С М Е Ш А
В номере:

Егг. КРИГЕР — Поверженные знамена.

★

В. ВЕРЕСАЕВ — Новьдуманные рассказы.

★

Н. КАЛЫМА — Генерал Троицкий.

★

Алексей СУРКОВ — Домой.

★

Берлинская конференция. Фото М. Калашниковой.

★

Елена ЮНГЕР — В городе кинозвезд.

★

Ник. СМЕРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ — Новеллы о книгах.

★

Мысли и афоризмы.

★

Шахматы. Под редакцией гросмейстера В. Смыслова.

★

Календарь «Смены». Вокруг света. Кроссворд.

★

Рисунки художника Г. Велька, А. Житомирского, Я. Ромаса.

★

На вкладышах: «ПИСЬМО ОЦУ ИЗ СТАЛИНГРАДА В БЕРЛИН» — рисунок художника Ф. МУЛЛЯРА. «ПОДМОСКОВНЫЙ ПЕЙЗАЖ» — фототюд Г. БОРИСОВА.

★

На обложке: «УЧЕБА НА КОРАБЛЕ». Фото М. РЕДКИНА.

Сотрудница Всесоюзной Публичной библиотеки имени В. И. Ленина Анна Чалодская.
Фото Г. Борисова.

Победительные знамена

Тяжелый шелк. Перца. Муар. От серебряного и золотого шитья ткань топорщится, коробится, как жест. Об ней можно опарывать руки. Ленты с какими-то металлическими побурениями, пыльные банты, подобия амузетов. Массивные кисти на толстых шнурах, громадные позолоченные па-

конечники, эмблемы, подвески, вышитые на муаре лозунги, слова молитв, заклинания. Все это три малюсеньких прикосновения трещит, скрипит, издаёт даже любовные скрежеты.

Безнакая ткань в порывах ветра трепещет; выёс, вздымаясь, становится как бы крылатой. Эта — мертвенно обвислая, отягчённая паршой и пылью. Основной цвет — чёрный. Самая употребительная эмблема — череп и две кости, крест накрест. Не восхвалять, не вызывать к сердцу и к доблести, — устрани!

Немецкие знамена. Немцы столетиями молились на них, знамёнышки дахли к разлобу, обещая славу, богатство, владичество над Европой, над миром. Немецкой лавочнице, объявитель, смотрела на них с ласковой надеждой: они привлекут его к власти над всем человечеством. Немецкий генерал смотрел на них с вожделением: вдруг он станет великим в веках, как Юлий Цезарь. Они подра-

Гренией, где немногочисленная народная армия долго сдерживала немецкие и итальянские полчища. Они металась над землёй Югославии. Немецкие знамена в Голландии, в Дании, на Балканах, в Сипкайи, в Африке. Вот их путь. Ещё раньше, в 1939 году, они появились в Чехословакии.

Немецкие знамена топорщались над Европой.

Гитлер хотел пронести их в Москву. Да, теперь эти знамена в Москве. А где Гитлер? Где его знаменосцы, фельдмаршалы, солдаты, украшенные дубовыми листьями? Все кануло, повержено, распахалось.

Шёл дождь. Знамена мокали в лужинах. Вот конец мечты о завоевании мира! Рассмотрим надписи на этих знаменах. Как давно немцы бралиша оружейми! Вот надписи: «Erichthet 1633 und 1680» — «Уррешено в 1635 и 1685 году. Ещё какие-то памятные германской вошнице даты: «1783 — 1825» и «1783 — 1825».

Вот знамя особенное. Золотым шитьём по чёрному фону: «1877. 20-Я почетный полк кронпринца Фридриха-Вильгельма Прусского». На обороте: «Mit Gott, Kaiser, für Kaiser und Vaterland» — «С богом, деи, за кайзера и отчество!»

Новые и новые знамена. Новые и новые заклинания. «Будь немцем до мозга костей!»

«Бог был с нами, хваля ему и победоносным войскам!»

Самого бога солдафон похвалива по плечу, похвалива как верноподданного Прусски. «Победоносные» войска! Рус.

Скоро лужайки отбывали у них Берлин! Но если уж немцы добивались победы, то зная об этом стола на весь мир. Знаки этой победы немцы совали куда только можно, ярямки её наклеивали всуду, трубили о ней на всех порогрестках. Пришлось смотреть с несколькими, старым немецким знаменам. На чёрных лентях прикреплены тонкие медные пластины. На пластинках вытиснены названия городов Фриванди, даты:

«Шварц Орден. 3 и 4 декабря 1870 г.»
«Другое знамя: «Бонневаль — 13 ноября 1870 г.»

Ещё и ещё. Седан. Metz. Шпильныя. Лепанже. Париж.

На одном из знамен к ленте приприняса тридцать четыре таких пластины с названными тридцать четырёх французских городов. Это франко-прусская война 1870 года. Немцы разгромили тогда Фран-

цию, преданную, как и в 1940 году, своим правителями, лачноство и корыстолюбием денежных тузов, преступной недальновидностью генералов. Все помнят эту войну. Немцы остались немцы — Они итали города, грабили население, сражались с женщинами и с детьми. Гадля на знамена с медными пластинками, читая памятные даты, называя французских городов, начиная с Седана, я вспоминаю скорбную лептосию Вейс Зола.

«И Вейс увидела, наконец, как заплыла его собственный дом. Солдаты сбегались с факелами в руках, другие разжигали огонь, кидая в него обломки мебели. Быстро вбежала низкий этаж, дым повалился из всех отверстий расстрелянного флиа и крыши. Соседия с домком краснамя Делатерша также загорелась, и — ещё более ужасное восте — оттуда доносалась, называя маленького Отгста, аскавшего в своей постельке в горячемом бреду и звавшего убитую мать, а на трупе её, распростёртом поперек порога с раздробленной головой, уже загоралась латве.

— Мама, мама, я хочу пить... Мама, дай же мне водичку...

Памя свистало «трещало, летский голосок умолок, заглушённый громким «ура» победителей».

Вот о чём напоминают медные пластины на немецких знаменах! Может быть, это самое немецкое знамя, которое я держу сейчас в руках, знамя с датой «1870», металась над маленьким городом Фриванди, где наблюдались картины, воспроезвденные Зола!

На старых знаменах ещё не было эмблемы с черепом. Порохост в этой груде трипыля, шипуры, прикрепленной к толстым древкам с золочеными наконечниками, и вы найдёте фашистские, гитлеровские знамена со свастики, с черена, с эмблемами смерти. Эти знамена олицетворяют усовершенствованную «доблесть» современного немца: Майденфевен, которые убивали с помощью электричества и газа, в камерах и пещерах с хорошо изученной пропускной способностью и разработанным режими умерщвления сотен тысяч людей.

Освецим, плачев-ниже-ниже, в камерах и пещерах с хорошо изученной пропускной способностью и разработанным режими умерщвления сотен тысяч людей.

Теперь Красная Армия вырвала знамена из их рук и бросила на камни к ногам наших маршалов. Немецкие знамена из Фриванди и из Грени, из Вельгити и Югославии, из Сипкайи и из Африки нахальнува немецкими полчищами на русскую землю и теперь аскаса здесь навсегда. Армии у немцев больше нет. Её знамена в наших руках.

Париж

Жили римлянам. Они забывали немецкий язык и вышывали на знаменах латинские слова: «Pro gloria et Patria». Латиня не прибавила ни доблести. Они проигрывали войну за войной. Теперь конец. Теперь у них нет ничего: ни армии, ни знамен. Перерама в пасту. Знамена в Москве. 24 июня 1945 года красноармейцы, фронтовики положили их на Красной площади к ногам своих полководцев — Сталина и его маршалов. Шёл дождь. Знамена мокали в воде, на камнях, обрызганных летним ливнем.

Узнав номера полков и дивизий, можно проследить путь этих немецких знамен. Немцы пронесли их над землёй, тейлой от человеческой крови, окутанной дымом пожаров. Череп, вытисные на пестуко серебряной ниткой, видел народ Вельгити, народ Фриванди, преданный своими фабрикантами и министрами. Они мячили над

Невыдуманные рассказы

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

Рис. А. Житомирского

В приёмной

приёмной секретаря Боржомского райкома сидела молодая красивая девушка. У неё было покорное, страдающее лицо. Такие лица встречаются у женщин, привыкших принимать несчастия, как обязательный постоянный груз, совершенно неизбежный. Ребёнок, месяцев девяти, страшно худой, с большой голой и огромными чёрными глазами, исперлаиво и требовательно сосал её торжугу. Сколо женщины сидело на стульях ещё четверо ребят маа-мала меньше. Женщина была так молада, — я спросил с изумлением:

— Это всё ваши дети?

Красное лицо озарилось чудесной, застегивающей улыбкой, и, все застывшие, она с тайной гордостью ответила:

— Мои.

— Сколько же вам лет?

— Двадцать три.

На поломом русском языке, все время подыскивая слова, женщина рассказывала: она вдова, потеряла все шесть хлебных карточек, а до нового месяца ещё девять дней. Пришла просить секретаря райкома помочь ей, — распорядится выдать новые карточки. Видимо, для убедительности просьбы привела с собой все своих ребёных команду.

— А что с вашим ребёнком? Болен ли?

— Шесть недель уже понос.

Младенец отвалился от груди, ничего из неё не получая. Мать отдала его старшей девочке. Та стала ходить с ним то в приёмной и коридору. Духающий мальчик всё время стоял возле матери и ревниво поглядывал на осуждённого брешника. Как только мать отдала его, мальчик, пытаясь, поспешил взобрался к ней на колени. Опять лицо женщины мигновено засветилось тёплым внутренним светом. Она прижала к себе мальчика. Скоро ясный свет в лицо погас, как осенняя заря, и она опять застыла в покорном безразличии.

Удивительно было видеть, какие все четверо ребят, кроме младшего, здоровые и крепкие, какие у всех блестящие, весёлые глаза. Тут, конечно, деткам было засудта этой женщине, понуро сидевшей на стуле.

В коридоре раздавался заливчатый смех трёхлетней девочки, истосняющийся, звонкий. Её чем-то смешила старшая сестра, и она заглядывалась смехом, тем смехом, от которого нем хочется улыбаться и радоваться на красоту жизни. Новое материнское сияние вспыхнуло на лице женщины. Она слушала и улыбалась.

Удивительно было видеть, какие все четверо ребят, кроме младшего, здоровые и крепкие.

— Я с глубоким почтением смотрела на неё. В тяжёло сложившихся для неё условиях жизни, с трудом воображаемыми, сумела же она победительно вырастить эту здоровую, живородастую стайку. Сумеет, может быть, спасти и больного младшего ребёнка, потому что несомненно сильнее она своим главным, — смелым и радостно материнской любви.

Всю жизнь отдала

рамвайный вагон подходна к остановке. Хорошо одетая полаяя дама сказала унитанному мальчику лет пяти:

— Аёвочка, нам тут скоднить.

Мальчик вскодиа и, голаяя всех доктами, броснася пробраться к выхоу. Статушка отвала его рукою и сердито сказала:

— Куди ты, мальчик, аёвочку!

Мать в негодовании

вскричала:

— Как вы смеете ребёнка толкать!

Вышлааи высокий мужчина. Он засторона громким, на весь вагон гласом:

— Вы бы лучше мальчишке ващему скзвали, как он смеет всех толкать! Он —

идёт, — скажите, пожалуйста! Все должны давать ему дорогу! Он самая важная особа! Растите эгоисты!

Мать возмущенно отруивалась. Мальчик с открытым ртом испуганно глядел на мужчину.

Вагон остановился. Публка сошла, Сошла и дама с мальчиком. Вдруг он раздражился отставившим ребёком. Мать присела перед ним на корточки, обнимала, целовала.

— Ну, не плачь, мальчик мой милый! Не плачь! Не обращай на него внимания! Он, наверно, пьяный, не плачь!

Она взяла сына на руки. Мальчик, рыдая, крепко охватил её шею. Она шла, шатаясь и замыкаясь от тяжести, и поворачивала:

— Ну, не плачь, не плачь, бесценный мой!

Пришла домой. Ужасная. Мать возмущенно рассказывала мужу, как обидела в трамвае Аёвочку какой-то, должно быть, пьяный хуваган. Отец с сожалением вздохнул:

— Э, мени не было! Я бы ему ответил!

Она с гордостью возразила:

— Я ему тоже отвечала хорошо... Ну, что, милый мой мальчик? Успокоился ты?

— Не бери салму, она пьяна!

Мать положила салму обратно в вагу. Мальчик с упреками глазами взяла её и снова положила перед собой.

— Ну, детка моя, не ешь, она не спелая, расстрочи себе животик! А вот, погладь, я тебе сегодня купила шоколад «Золотой ярлык». Кушай шоколад.

Она взяла салму и положила перед мальчиком пакет шоколада. Мальчик концами пальцев отодвинул шоколад и обиженно нахмурился.

— Кушай, мальчик мой, кушай! Дай, я тебе разверну!

Отец скзава просветленным гласом:

— Аёвочка, дай мне кусочек шоколада!

— Нет, это для Аёвочки! Специально для Аёвочки сегодня купила. Тебе, папа, нехачя, это не для тебя!.. Ну, что же ты, детка, но кушешь?

Мальчик молчала, капризно нахмурились.

— Ты, наверно, ещё не успокоился?

Мальчик поумла и ответил:

— Я ещё не успокоился.

— Ну, успокоилась, тогда кушайся, да?

Мальчик молчала и не смотрела на шоколад.

Через двадцать лет. Она самая дама, очень поведенная, сидела на скамеечке Гоголевского бульвара. Много стало себёрабра в волосах, много стало золота в зубах. Она с отчаянием смотрела в одну точку и горько что-то шептала.

Трудную жизнь она прожила. Муж её умер. Она собственным трудом воспитала своего мальчику, во всё её себе отказывая.

После службы далаа уроки, переносила на машинах. Она далаа тыся александровских вэкторизированно, занимала место с хоршим жолаванием. И вот — она сидела, одинокая, на скамеечке бульвара под мед-

Она сидела неподвижно, горько шевеля губами.

ленно падавшим снегом и горько шептала:

— А я ему всю жизнь отдала! Они с своим занимали просторную комнату в Нахкиновском переулке. Сын задул маму, женился. Сегодня она получила повестку с приглашением явиться в качестве свидетельницы в суд: сын подал заявление о выселении её из комнаты. Ещё четыре года назад, когда они получили эту комнату, Алевка предусмотрительно вписала мать проживавшей «временю». Это больше всего её потрясло: значит, тогда уже он на всякий случай размыслил себе руки.

— А я ему всю жизнь отдала! Снег пушистым слоем всё живое покрывал её голову, плечи и бока. Она слыла неподвижно, горько шевеля губами. Капля судьбы, в которую не верила, влила бога, в которого полюбила. Не видела одну себя, что всю жизнь отдавала выращивание холодного змеища, приузенного ею думать только о себе.

Как он меня удивил

много прожил на свете. Мне довелось видеть немало людей. Чем дольше и живу, тем больше убеждаюсь: как много существует на свете никем не замечаемых интереснейших людей! Один — одной стороной, другой — другим; в третьем, может быть, маленькая такая черточка, но совсем своя. Мы замечаем и вспоминаем это больше тогда, когда человек уже

рёт. Удивительно, как смерть научает нас переоценивать человека! Вспоминаешь, как относились к нему при жизни, отчего и тогда так мало ценна то, чем был он хорош!

Вот, вспоминая сейчас омерзого инженера. Он умно работал в Москве на заводе. Полный, с небольшим брышком. Треугольник рыжеватых волос под носом. Был добродушен, но мало развит и мало даровит. На службе им не дорожили. Больше всего Алевка вникнула и тщательно записывала их детским почерком в толстую перелетённую тетрадь. Алевка и рассказывала их, и случалось, что забывала такую подробность, в которой была вся соль анекдота. Тогда он конфузился и, умявшись исподлобья, соизволял под общий хохот: «У мишки фокусы пропала!»

На меня он был омерзительным безнадёжной банальности и неинтересности. Зная его Фома Иванович.

И вдруг он меня удивил. Один раз, потом другой.

Был он холостой. Жил в одной квартире с женатым старшим братом, врачом невропатологом, и замужней сестрой — геологом. Жили очень дружной семьёй. Столались вместе. Хозяйство вела жена и звали «мама-Ализа». Я Алевка бываю у них.

Одно время стал я замечать, что иногда Фома Иванович после весёлого анекдота вдруг переставит смеяться, поднимет брови и неподвижно смотрит перед собой; потом тряхнёт головой и опять оживится.

Выл вечер субботы — самое уютное время: завтра спи, сколько хочешь, делай день свободный, на душе легко. У них в субботу было принято на субботу и воскресенье выныривать над обеденным столом лампочку в двести ватт; было светло, как в обычный день, и на душе становилось ещё веселее.

Вот в такой уютный субботний вечер, когда все уже сидело за ужином, вышел Фома Иванович и торжественно поставил на стол две бутылки токаяского вина, год и большую плетёнку с кондитерскими пестычками.

- Что это значит?
- Получил наследство.
- А ты его терял?
- Фома Иванович улыбнулся.
- Семь месяцев был без работы.
- Все ахнули.
- Как же мы ничего не знали!?
- А для чего вам было знать? Помочь вы мне ничем не могли. К чему было вас расстраивать?

Мама-Ализа в негодовании всплеснула руками:

— «Расстраивать! Просто возмутительно! Как можно было такую вещь скрывать. Ведь тебе было очень тяжело!»

- Конечно. Поэтому и молчала.
- Легче было бы, если бы с нами поделился!

Старший брат, доктор, сказал, строго покаянным:

— Да, наконец, просто с материальной стороны, мы могли бы тебе помочь. Как ты эти семь месяцев прожил!

У меня были небольшие сбережения. Потому и пропала новая бровочка.

Прямо уже вихрем завлозло возмущение. Сестра-геолог вскричала:

— Тот-то и заметил, что он эту зиму перестал ходить в театр! Сантехник несчастный! Уродина моя очаровательная!

Доктор сердито возразил: — Что очаровательного? Глухо, большое ничего!

Фома Иванович поменялся и повторил: — Остаётся при своём мнении. Нечего стыдиться людей своим горем, если поможешь они не могут.

Другой раз Фома Иванович улизнул меня большой естественностью, совершенной логичностью и в то же время подлинно психологической невероятностью одного своего поступка.

Получил Фома Иванович отпуск и решил поехать на самолёте в Киев, к другому их брату. Это происходило в середине двадцатых годов, астана было внове, мало кто на него рвался, и на каждого, кому довелось поехать, смотрели вроде как бы на героя.

На аэродроме нужно было быть и идти часам утра. Мама-Ализа в половине четвертого поджала Фому Ивановича, налила кофе, и сильно за него волнуясь, отправила в дорогу.

Он воротился домой в этот же день к обеду. В чём дело?

Фома Иванович неохотно ответил: — Полёт отложен на завтра.

На следующий день он улетел. Из Киева от него получили открытку с извещением, что прилетел он благополучно. Месяц простоял у брата, потом воротился.

В уютное вечернее время субботы, когда ярко горела над столом лампочка в двести ватт, Фома Иванович за ужином вдруг объявил торжественно:

— Ну, товарищи мои дорогие, скажу вам теперь правду. Ведь в первый-то день и тоже легко, пролетел полутьги, и самолёт наш потерял в дороге жесточайшие повреждения.

Ониль все ахнули. Фома Иванович довольно поменялся. Алевка он удивилась.

Оказалось так: самолёт вылетел вовремя, но под приземлением потерял управление, начал вращаться и перевернулся. Пилот и один пассажир были убиты, другому переломало ноги, а Фома Иванович остался невредим, — благодаря тому, что он один выскочил вправо, выскоченное в кабине самолёта: приземлился ремнём к сиденью. Когда самолёт перевернулся, Фома Иванович повис на ремне вниз головой и не расшибся. Администрация отплатила ему железнодорожный билет обратно в Москву и предложила на выбор: либо лететь завтра, либо получить обратно ту же сумму денег.

Фома Иванович рассмеялся:

— Я выбрал первое.

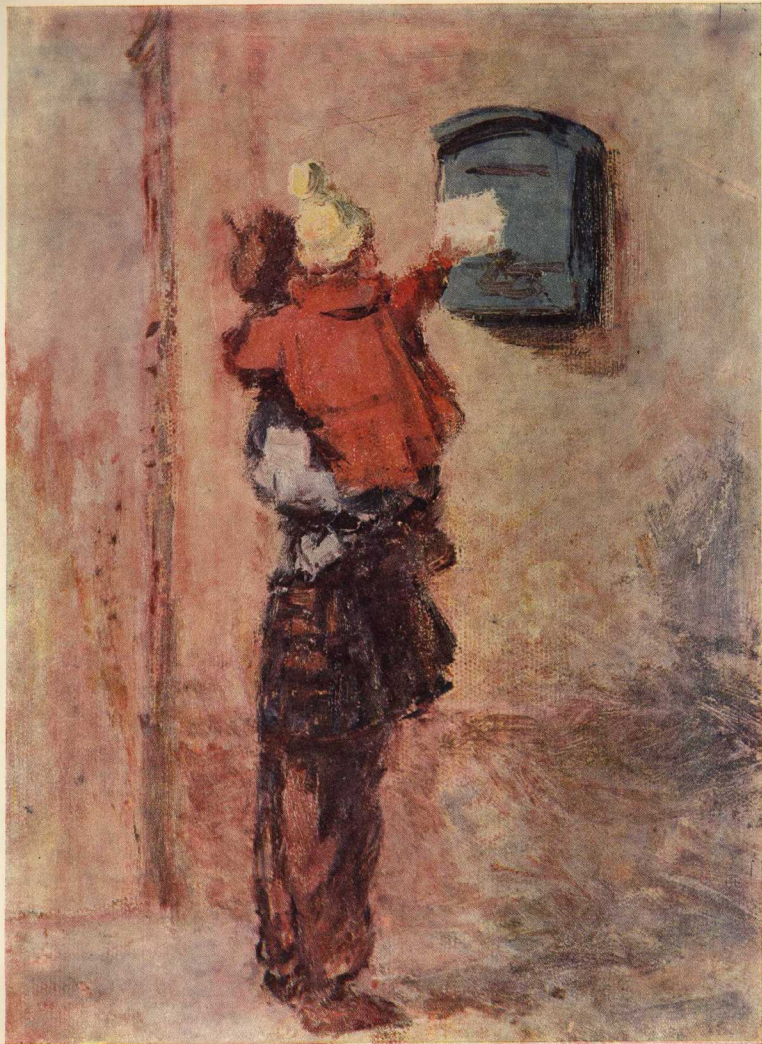
Все ещё гуще ахнули. Сестра-геолог кричала, смеясь:

— Алевка добрая, поглядите на этого человека! Да ведь это же определение сумасшедшего! Сумасшедший совершенно определённо! Этокое вытерпеть крушение — и завтра преспокойнейшим образом лететь опять!

Ну да! А так рассудил: крушение — не такое уж частое явление. Невероятно поэтому, чтобы они могли прожить два дня полёта. Значит, само безопаснее лететь именно на самолёте! И вот так! Простона поднатянул, вынималось осмотри машину...

...Так-то так!.. Но всё-таки.. Как же это?

Да, вот именно: как же это? Вполне естественно и логично: всего труднее жрать двух крушений полёта. Однако, после того как я избрал свой маршрут, в полёте вполне омерзительных трудов и стонущих людей с перебитыми ногами, они всё доверится неизменно способом полёта. И только что избавить меня была достоянием душа дурнейшего своеобразности.

«Письмо отцу, из Сталинграда в Берлин».

Картина художника Ф. МУЛЛЯР.

ГЕНЕРАЛ ТРОИЦКАЯ

Она ещё совсем молодая, эта женщина в генеральском мундире, хозяйка всего подлинного состава метро. У неё русское, открытое лицо, гладко зачесанные волосы и улыбка — умная, весёлая и быстрая, которая как бы освещает её всю и сразу внушает людям доверие к генералу — директору пяти московского метрополитена — Зинаиде Троицкой. Доверие это никогда не бывает обмануто — основные качества Троицкой: решительность, твёрдость в данном обещании и правдивость. Ещё маленькой девочке отец — железнодорожный служащий — внушал: «Если сделала что-нибудь дурное, — скажи, наказания не будет. Наказывать стану только за ложь».

— И, знаете, это вошло в плоть и кровь. В детстве Зина Троицкая мечтала стать капитаном дальнего плавания. До дяди завлекла книжку «Вокруг света на «Коршуне», глотала рассказы Станковича, описания разных путешествий. Отец был человек культурный, умный, видевший многое в жизни, провозвратил Мать — народная учительница, учившая красноармейцев. Зина была баловнем, близком в доме, но родители жорко следили за тем, чтобы их божок рос благодарным, честным, высоко моральным человеком.

У Зины оказались отличные способности к химии. В двенадцать лет учитель назначил её своим ассистентом, и девочка экзаменовала сверстников. В пятнадцать лет она уже окончила школу, но оказалось, что ни в один вуз не принимают таких малолетних.

— Пришлось временно отложить мечту о капитане дальнего плавания, — рассказывает Зинаида Троицкая. — А тут пришёл отец и говорит: «Вступай к нам в железнодорожный факультет. Будешь учиться на сесэра по ремонту паровозов. Это всегда пригодится».

Серена сердце Зина согласилась. Однако по-

вое дело ей вскоре понравилось. В группе было двенадцать мальчиков и одна девочка — она. Так и звали их в фабрике: «Чёртова дюжина». Все девочки в фабрике работали хуже мальчиков, но это считалось в порядке вещей, и никто над ними не задумывался. Не задумывались и Зина Троицкая из «чёртовой дюжины». Впрочем, у неё в то время было много другого дела: её выбрали секретарём комсомольской организации, и она до поздней ночи провадала в комитете комсомола, изучала своих ребят, разбирая самые запутанные вопросы молодёжного брата. Уже тогда в Зине Троицкой установились та непоколебимая уверенность, выдержка и такт, которые так привлекали всех, кто с ней сталкивался.

Но вот до конца учёбы осталось 40 часов, а зада было ещё сделать на зёрт какую-нибудь сесэра деталь сложнее.

— Может быть, французский ключ? — заикнулась было Зина своему учителю Юдаеву.

— Что ты, девушка, что ты! — старый мастер замалал руками. — На французский ключ полагается шестьдесят часов. Не успеешь никак. Троицкая всё-таки вылезла делать ключ. Она слала деталь за 4 часа до срока, и старый учитель поставил ей высший балл.

Этот французский ключ словно открыл девочке глаза. Зина вдруг поняла, что может работать не только не хуже мальчиков, а даже лучше, чище, точнее. Она шла с экзамена, и всё в ней лопло, радовалась и трепетало: не хуже, ничуть не хуже, а лучше!

Такая уверенность в своих силах окрепла в ней, что, когда «чёртову дюжину» послали в депо на ремонт паровозов, Зина захотела работать во всех бригадах — и в гарнизонной и в буксовой, — словом, всюду, где женщины до неё не работали. При депо открылись курсы по монтажным машинам, и снова Зина была впе-

Генерал — директор пяти З. Троицкая.

реди, отлично слала описательный курс паровоза, знала все технические правила эксплуатации, экономии горючего и т. д.

Домой она прибегала только к ночи. Долгие часы она проводила в комсомольском комитете. Какие-нибудь беды или провинности комсомольца из депо волновали её, как личное, кровное дело. Зина настояла, чтобы все комсомольцы депо учились. Все вместе они ходили в театр и потом с жаром обсуждали виденную пьесу. Молодой стартер комсомола, она с восторгом слушала старших товарищей на партийных собраниях. Как ей хотелось говорить так же убедительно, умно, с таким же широким обобщением!

Это было время внутреннего формирования Зины Троицкой, её роста, как комсомольской работницы.

На берегу Охотского моря.

Фото Н. Драчического

А в самые счастливые часы: умер отец. Наступили тяжёлые дни для Троицких. В это время Зина уже сдала экзамены и со дня на день ждала, что её пошлют работать помощником машиниста на паровоз.

В торжественном белом бытовом платье пришла она на курен почитать диплом и на прощание.

— И вдруг читаю: Троицкую и каких-то ещё самых слабых оставить в дело. Я чуть не заплакала — такая обман!

Работа в комсомоле научила Зину никогда не падать духом. И спустя несколько недель ей удалось добиться места помощника машиниста на вокзале Москва—Рязань.

Четыре года она следит за машиной, топит и чистит котлы. Она побоялась паровоз так, как можно побояться только живое существо. Впрочем, он и был для неё живым существом, савантражкой или посудным, сытым или голодным, бадарым или усталым. Она знала каждый болтик в паровозе, могла по звуку определить, что, где и почему «бьют» в машине.

Наше всего инженерный Зина был старей, опытный машинист Андрей Степанович Ермалов. «Моя страсть была — экономия топлива, а его — прибавке без окладов. На это обращался со мной как с разницей в чашке супа между моих советом». Ермалов пытался на том, чтобы Троицкая сдала экзамены на машиниста. С большим трудом удалось ей добиться права управлять маневровым паровозом «НН-394».

У этого «НН» был откровенный характер: никто из машинистов станции Москва-

Пассажирская не хотел на нём ездить. Паровоз стоял, не слушаясь «покушарки», во двор рыло вперёд. Да так, что всё кругом тряслось и падало с мест. И вот этот-то упрямый характер паровоза молодой машинист Троицкая переняла, сделала своим привычным и любящим из всех паровозных характеров».

— Там была система Коммунар. Мы с ребятами изучили её, всё сами перебрали, смазали, опробовали. Видим: дело — в управлении. Я попросила помочь братья с места — результаты хорошие. Везде машина тоже любит хорошее обращение».

«НН» получил право работать на Москва-Пассажирской, и вскоре вместо трёх маневровых паровозов станция стала обслуживать только два: «НН» работала за двоих.

С великой неохотой отпустило станционное начальство Троицкую вездю поездов. В жизни девушки это был очень торжественный момент: она машинист поездов, она водит длинную цепь вагонов, тысячи людей доверяли ей свои жизни! Она загорно этим гордилась.

Три года водит Троицкая поезд. За переименование измеритель, за экономия топлива правительством награждает её орденом Ленина — первым орденом. Почти одновременно её назначают заместителем начальника дела Москва-Сортировочная.

Утро. Весна. Зинаида Троицкая идёт по узкому железному мосту, выходящему над путями. У неё замуртует сердце. Спальными землями уползает вдали десевый путь, гнибнут чёрные шен крапы, ревет на путях паровоз. Это всё — её хозяйство. Справится ли она? Сможет ли? Надо справиться. Большой темновозраст парестонит и воротит дело.

— Кто вы такая? — спрашивает она подозрительно.

— Меня назначили заместителем начальника дела, — говорит Зина.

Темновозраст реируется:

— Это вы на моё место. Я сейчас заместителем начальника.

Может быть, не стоило бы упоминать об этом паре, но мост так ещё и путя скрещивался, и Троицкая следила за его жизнью, направляла его как старший товарищ комсомолки, а заключительную повесть о нём мы расскажем чуть позже.

С 1938 года Зинаида Троицкая — начальник Окружной дороги. Отвечать за магистраль подходит к Москве. Все республики шлют станице свою продукцию. Грузы и выгрузка, транзит — всё проходит через Окружную дорогу. Здесь, в кабинете началька, как будто бьются пульсы всей страны. Где-то за сотни километров на путях стоят. И сразу этот застой отдаётся на Окружной. Троицкая здесь впервые ощутила всю величину и силу Москвы. Этой же сдала страны — первого развешенного жезла по всему телу Союза. Любящая и до того, как всякая москвичка, свой город, она стала особенно гордиться Москвой.

Но вот началось война Окружная в первом деле войны: складывался дорогой перевозочный фронт. Мобилизация, подвоз боеприпасов, логистика, вывоз войск — всё шло через Окружную. А после, когда вылился бомбожест и немцы приближались к Москве, Окружная дорога оказалась прямой жезлом. По ней шла эвакуация женщин и детей, по ней двигались в Москву снаряды, боевые машины, орудия. Это были дни и ночи неслыханного труда и напряжения. Надо было организовать всех узкоколейных, распределить огромные скопления грузов, перевязывать вестца, боприснаки.

Зинаида Троицкая не спала по суткам, не раздвигалась, почти не ела. Ей, молодой женщине, был поручен один из самых важных участков. Окружная дорога был её пост, и она стояла на посту до самой смерти, как капитан на капитанском мостике её детской мечты.

Очень трудно представить себе некий абстрактный образ эталоны безличного героя. Без семьи, без биографии. Но вот как раз в эти захороненные дни Троицкая ожидала ребёнка и страстно мечтала родить дочку. Может быть,

потому она привала особенно близко к сердцу просьбу своего шефа: Коммунар разрешить ему съездить за женой и ребёнком, оставшимися в деревне, куда подошли немцы.

— Одна я не поеду, нельзя бросить машину, угрожаю кому-нибудь из шефов, — сказал Чернов.

Вскоре он вернулся.

— Никто не соглашается ехать, бороться в вёсмах в дача поезда, — ушло со мной он.

Зинаида Троицкая выжидала от него ответа. Она всегда вот так выжидала, когда видит грустными или бесцельный поступок:

— Хорони товарищи! Заводите машину! Я сама поеду с вами!

Мороз. Колоды отступивших вагоны. Грохот выстрелов. Ворюки на шоссе. Ничальник Окружной свистает в крикном тишине. Их три себе, шефу и яна вёсмой слуги».

В инком живем тебе уютно немоще сама-дети.

Вот и деревня — устала, вымерзла. Троицкая садится за руль, Чернов идёт обследовать избу. Метёт поезда. Из леса выходит солдаты: свои или немцы? Троицкая наяривает и закатывается само!

— Никто! — родство критик заплаканный-е Чернов. Он несёт на руках мальшюку. За ним идёт закутанная и плущащая от радости жена.

Долго, как никогда, тишина тащбаля военная зима. Стоит небывалые морозы. На паровозе Троицкая обследует засохшие ледяные мосты, пути. Сколько раз, вьезжая на мост, она думала: «Выдерогит ли?» Это было похоже на работу сабёра, который может ошибиться только один раз. Стрела Троицкая не чурасалась: ей только очень хотелось дать жезла ребёнку.

И вот, наконец, родилась дочь Аллочка, светловолосая, похожая на ласянка. Если вам захотелось загнать в самое сердце этой женщины, заговорите с ней о детях или широте об Аллочке. И тогда слово-толовые звуки в форме расквашенной о выжиданном состоянии, о совещании инженеров вокруг прорыва разговор о гамме для дочки и всё лицо генерал-директора Троицкой осветится глубокой материнской нежностью.

В кабинет приходит самые различные люди: железнодорожники, служащие метро, военные, изобретатели, педагоги пионерлагей. И во всем Троицкая охватывает ровни, спокойная, девятая. Она быстро расквашает размышлять, хитрость или неправду — и тогда не жале понады: генерал умеет быть суровым! Вот из кабинета выходит красавица, сияющая здоровьем в форме железнодорожника. Тёмные глаза, большой рот... Да это ведь был старший знакомый из детства. Он только что выслушал суровую отповедь. К Зинаиде Троицкой прискакала его жена, жаловалась, что жёк бросил семью и ушёлка девушкой из детства.

— Ты бросил провинность и привнесла в Москву в вдуманную командировку, только чтобы встретиться с девушкой. А жена с ребёнком ждёт тебя. Изменил ли порядочным людям не захочет тебе даже руку протянуть: ты опшсь с реальном, — отчитывала её Троицкая.

В её метод — метод комсомольского работка: без боязни говорить о самом остром — по-мощет. Через несколько дней Троицкая узнает, что так сурово отчитанный её человек вернулся к семье.

Генерал Троицкой вслух называет мечтатка:

— Вот скоро подполковник, доктор Транспортного академик. Хочу узнать английский язык: а потом с дочкой заниматься... Дочка будет расти в победное время, когда всё расцветёт».

Она выкладывает:

— Скажу я в мои паровозам, по товарищам-машинистам. Кто-то мне сидит старая комсомольская занаканка...

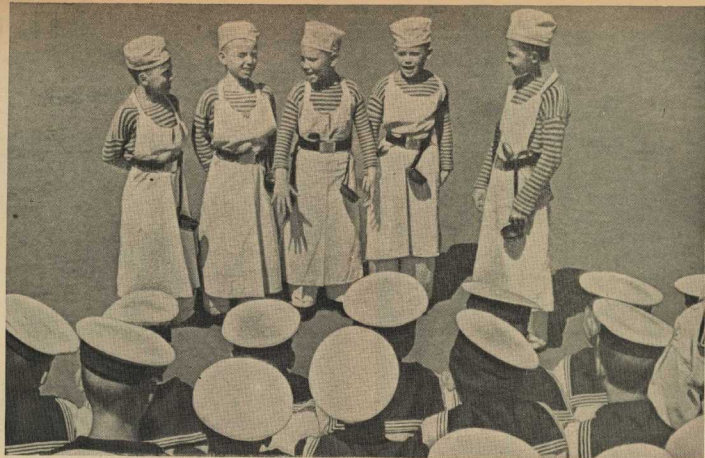
И Зинаида Петровна Троицкая окутывает старца на своей мундир, под ладной орденской алмазной красеет значок ВЛКСМ.

«Медаль почёта, изображающая на иппеи сенике, — высшая награда Социалистичеких Штатов Америки. Её посмертно наградили Франки-ни Д. Трумов».

«Медаль почёта» учреждена в 1862 году, по инициативе гражданских, военных и чиновничьих Натаной представительной США за исключительно боевые заслуги. Она представляется собой пятиугольную звезду, в центре которой — изображение богины войны Минервы и надпись «Социалистичекие Штаты Америки».

Со дня учреждения «Медаль почёта» во награждено несколько сот американских граждан.

Концерт художественной самодеятельности в нахимовском училище.

Фото Я. Рюжанина

Алексей СУРКОВ

Домой

Последний воинский маршут —
К домам. В Россию. На восток.
Хлеба стоят,
Цветы цветут.
У самых ног
Звонит поток.
А облава белой зайчат
Над этой пёстрой кутерьмой.
А скаты весело стучат:
Домой.

Домой.

Домой.

И под задорный стук колёс,
Под перебор даухрадию,
— Домой, — гортанит паровоз
И жмёт во все платки.
— Счастливым путь, — гремят мосты.
— Счастливым путь, — шумят кусты.
Уклоны.
Перегоны.
Среди июльской красоты
Нам светит солнце с высоты,
И женщины несут цветы
На шаткие перроны.
Старухи нам издадека
Приносят крижки молока,

На шею виснет детвора,
И старики кричат: «Ура!»
И кликом их и смеху
Сторожливо вторит эхо.
И мы пьем без вина.
И всё кругом, как в дымке сна.
И небагет на глаза
Совсем не горякая слеза.
И солнце в ней отражено,
И сердце радостью полно.
И счастьем в сердце тьсно.
И счастье льётся песней.

Над головою пел снерея,
Протяжно выла мина.
Сквозь смерть и ад
Идёт солдат
От Сталинграда до Карпат,
От Химок до Берлина.
За чёрным дымом дом родной,
Кудрявые берёзки.
Огонь шальной,
Да град стальной,
Дл смертный ветер жёлтый.
Идёт солдат по зубам свая,
Сквозь огневую одуру.
А ну, давай,
Переплывай

Через Серет, через Дунай,
Через трагичный Одер.
Солдат не стигнул на войне,
Хоть смерть брела по следу.
Живой вопле
Слешит к жене,
В походной сумке, на спине,
Несет солдат победу...
Мелькают села и леса.
Звенят, сливаясь, голоса.
Ведёт напев анкордеон.
В цветах и зелени вагон.
То на подъям,
То под уклон,
За передником перегон.
— Стучит на стальных швеллон.
И под весёлым стук колёс:
— Домой! — гортанит паровоз.
— Домой! — шуршат хлеба в степи.
— Пожарче баню истопи.
— Домой! — щебечут снегيري.
— Побольше пива навари.
— Домой! — звенят лучи в выси.
— Покуре тasto замески.
Картошки молодой наррой,
Под яблонями стол накрой,
С победой едет муж-герой.

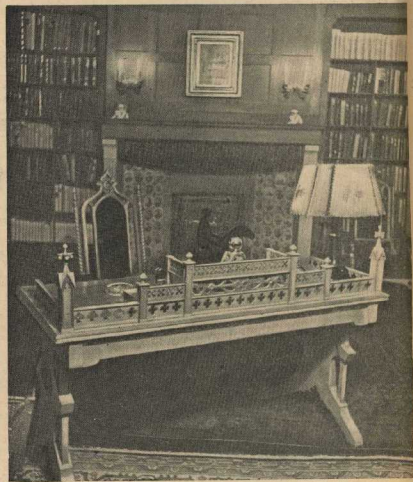

1

На снимках: 1. Главный подъезд дворца Сесилин-Хоф, в котором прошли заседания Берлинской конференции в Потсдаме. 2. Рабочий кабинет И. В. Став во дворце Сесилин-Хоф. 3. Рабочий кабинет г-на Трумэна в этом же дворце. 4. Рабочий кабинет г-на Черчилля и г-на Эттли во дворце. 5. За круглым столом конферен-

2

3

8

С Д А М

ОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

6. И. В. Сталин, г-н Труман и г-н Эттли в зале заседаний перед началом работы конференции. 7. Г-н Труман в гостях у Сталина в вилле, где жил Сталин. 8. В зале заседания конференции. Перед началом заседания.

← 5

6 →

↑
7

8 →

4

В городе кинозвезд

НА УЛИЦАХ ГОЛЛИВУДА

Улицы. Широкая, длинная, такая длинная, что концы ее теряется где-то вдали. Домашние лампы, много цветов. Аккуратно построившийся газон, яркий и свежий. Ближе к маленьким фонтанчикам, расположенным рядами, которые включаются перед заходом солнца. Низенькие светлые домики — два-три этажа. Отдельные окошечки и так называемые «спартамент-хаусы» — дома с несколькими квартирами.

Утро раннее, но солнце уже высоко. Улицы начинают оживать. Проносятся на велосипедных газетчиках, но останавливаются, бросает сбитую газетку к двери каждого домика. Домашние хозяйки, с большими, вышитыми корзинками на кобальтах, идут на базар. Все по-разному воспринимает утреннюю прохладу: одному холодно — один в меховых шубах и в домашних туфлях на босу ногу; другой, наоборот, жарко — один пролетит в круальных костюмах и подставляет солнечным лучам свои спину, плечи и ноги. И ты пока не удивительно такое разнообразие шагу. На голливудских улицах вообще никому не удивляются. Здесь можно встретить людей в самых изощренных костюмах и подставит солнцу перьях между съёмками выходят поздравлять дама в пудреном парике и какой-нибудь возмужавший с сетью бородав, в островерхой шляпке.

Слушат в школу ребята. Бегут задержки, без кини в тетрадь. Урок им надом не задано: не стоит слишком утомлять детские умы. Вокрестые мальчишки и кокетливые девочки, выходящие уже с макияжем на ружьях. Сидеть за собой приучают их к дисциплине. Можно встретить вноса крохотную девочку, её ещё важно в колготке, но у неё уже шестимесячная завивка на реденьких волосках.

Солнце поднимается выше. Улицы наполняются служащими, они горючат на работу. Сколько девушек, и каких озорвателых девушек! Ещё бы, ведь все самые красивые девушки съезжаются сюда, в Голливуд, из самых дальних уголков страны! Назором в Америке так любят тему «Золушки». Все они признают свою в надежде встретить «сказочного принца», который пригласит их сыграть в кино, сделать «звездой». А жарьба кинозвезд — это прежде всего талант. И вот они улыбаются вам из газетного kioska, из-за прилавка, из-за стойки с фруктовыми корзинами. Нежная улыбка встречает нас в кассе магазина, в прачечной, в кафе. Все улыбается, везде очаровательные, нежные улыбки. Они радуют нас день, два. На третий — улыбки кажутся вам немного приторными, на четвёртый — вы не знаете, куда убежать от них, на пятый — вы счастливы, встретив мурмур, неприятное лицо. Но это старость. Улыбаются все. Как одна. Одиночество морщит носик. Однако широко показывают белые зубы. И вы начинаете понимать, что им долго придётся ждать «сказочного принца», потому что, выбрав одну, он не отлучит её от других.

Привычка улыбаться, привычка казаться милой, малюшкой девочкой встречается глубоко и прочно, укреплается с годами. Вы можете встретить потугнувшую старушку в ирландской шляпке с наивными блужданиями и тихими глазами. Она будет вам улыбаться и разговоряться с вами детским, тоненьким голоском.

Вперед большая витрина. Что проведёт там? Кажется, что-то очень страшное. Человек с закрытыми глазами, покрытый белой простыней, кверху ногами лежит в кресле. Над ним колосятся другой человек, тоже весь в белом. Что он делает с ним? Оказывается... брест. Брест, удобно сидя на крутой скамеечке, улыбается, одобряя элемент амулета с крестом, ря-

в какую нужно сторону. Клиент дремлет, что не терпит времени.

По улице мчатся автомашинки. Сколько их! Роскошные «спайкхарды» и «кадиллаки», и старые «форды», последние модели, и такие машины, каких, пожалуй, больше нигде не найдёшь. Вон едет старичок. Его машина явно переделана из старой машины. Большие, невнятные колёса. Неспеша едет он по своему делу, важно возвышаясь над ветряными автомобилями, презрительно поглядывая на обвешаные кузовы машин новых выпусков. Также ехает, а не всё ли равно, в чём? Вон ещё один изобретательный человек: в швейцарской, детской тележке с маленькими колёсиками, приподнявшись над землёй на несколько вершков, он проедет своим мотор, спереди руль и даже отсранный трудок от какой-то дальнобойной машины. Выгнута длинные ноги, он всюду шагурует в потоке машин.

Время бегитесь к ланчу — второму завтраку, от 12 до 2 часов дня. Поток машин начинается от «Ланкларда» и «кадиллака» останавливаются у фешенебельных, дорогих ресторанов, авто поворачивают — эдак итёк. В американской этикетке, помимо локерства, вы можете получить всё: селёдка закусят, даже пообедать, чашку супушны, востроуд, виниски. Владельцам ланч-тек было трудно концентрировать друг с другом: одинаковые ланчеры у одного и у другого. И вот этот хитроумный старикер приучил водителей к дисциплине. Захотелось пить — зашёл в итёк, заодно купил аперитив. С этого и пошло. Теперь американские аперитивы — чуть ли не универсальные магазины.

Многие автомобилисты подпекают поздравлять к «дари-ингам». Это круглые низкие строения, вокруг которых машины выстраиваются тесным кольцом. Можно покурить, но выходя из автомобиля. Официанты приносят к окнам машины специальные подноссы-столяки таким образом, что вы, не сойдя с сиденья, завтракаете, словно сидя за столом.

Чудесная вещь — комфорт! Но только в меру. Когда привычка к комфорту начинает управлять чувствами, лучше уж тогда не надо его

Чарли Чаплин.

совсем. Один молодой американец однажды пожаловал мне, что он безумно влюблён и страшно тоскует, что может видеть предмет своей любви только раз в неделю. «Вероятно, вы очень заняты?» — сочувственно спросила его и: «Да нет, — сказал он, — вчера у меня все свободное. Но во время аром. Очень маленький лимит на газоник. Хватает всего на одну поездку в неделю. «А на трамвае, — сказала я, — или пешком?» «Ну, что вы, это же очень неудобно!» — ответил он.

Нам никогда это не будет приятно. У нас влюблённый юноша, ради того что повидать любимую девушку, отправится в проливной дождь, в бурю, пешком на другой конец города и не заметит даже, что промок до нитки. Он и не подумает, что это далеко и неудобно, не будет размышлять, «стоит ли идти».

В ГОСТЯХ У ЧАПЛИНА

Машина сворачивает с Беверли-бульвара. Роскошный, кажущийся пустынным район. Ни одного пешехода на улице. Большие окошечки скрывают асфальт олов, обвешанные высокими оградами. Частная жизнь их обитателей хорошо скрыта от любопытных взглядов. Ни в одной телефонной кишке нельзя найти номеров телефонов, находящихся в этих домах. Это район кинозвезд. В двух-трёх местах, на почти пустынной дороге, где только с шумом проносятся машины, можно увидеть человека, который идёт манит вам какой-то жёлтой бумагой. Он продает карты с месторасположением домов кинозвезд. Чем толще вы зарабатываете здесь деньги.

Машина поднимается вверх по Сомерт драйв, выезжает в открытые ворота с тушной решеткой, взбирается на маленькую горку и останавливается у большого старого здания. Это дом Чарли Чаплина.

Дверь открывает американский, высокий потельный сетой человек, в чёрном пиджаке и гёмисюрских брюках в полоску. Маленькая передняя ведёт в большую, довольно нелепую комнату. Слева — лестница наверх, справа — эркер, скрытый портьерой. Несколько кресел, диван, стол, небольшой оркестр. Здесь, просторный зал для друзей и для себя. Давноскри промывает раздеться и кладёт пальто на стол. Почему-то ни в одном доме в Америке я не видела выключателя для верхней одежды. Пальто гостей сваливают в кучу на стол, диван или кровать.

В открытые двери, ведущие во внутренние комнаты, повисают две хозяйки. Небольшой рост, совсем седой, биещый и дивный, со светлыми голубыми глазами, которые иногда просто отражают детским выражением. Проходим в гостиную. «А вот моя старая жена», — шутит Чарли Чаплин, представляя насуюку, с длинными чёрными волосами, с невзрачным, но удивительно приятным лицом, малюшкой, совсем молодую женщину. Стены гостиной увешаны таринными английскими портретами. На полке — коллекция английского и шотландского фифера. Старинная сабля японского самурая с очень красивой рукояткой, отдалённой перла-

муром. Перед каминным экраном круглый столик, нижние полки по стенам, из одной из которых, скрытая какой-то деревянной скульптурой, скромно прятается золотая фигура Оскара — приз Академии. Роль. Видно, что в этой комнате проводится много времени. Она совершенно лишена того чужорого холода и парадного блеска, который ощущаешь во многих других, где кажется невозможным даже пошевелить передвинуть с одного места на другое, чтоб не нарушить этот чудовищный порядок, не «оскорбить» его каким-нибудь живым явлением.

В этой комнате Чаплин работает. Это видно хотя бы по тому, как, рассказывая отдельные сцены из своего сценария, он подходит к роялю и проигрывает к ним музыку. Музыка рождается у него при работе над каждой сценой. Это движение к роялю, к столу, где лежат сценарий, привычное. Масса мелочей, связанных с работой,— все они здесь, под рукой. Вот он идет отсюда, чтобы проехать воздух на сценарии. Они тут же, спрятанные под бумажками. Любопытным, ласковым движением он переорачивает странички, поглаживает их, как будто это ребенок. Ещё бы, ведь это — его детище! Этим он сейчас жавёт, а это ушёл весь, с голосом.

Удивительное свойство: что бы Чаплин ни делал, такое впечатление, что он весь именно в этом. Всё, что он делает, необычайно талантливо и артистично. Когда он играет в тени, думает: «Неужели этот человек может ещё делать что-нибудь так же совершенно?» Танцует ли он, рассказывает ли, играет, сел или встал — всегда кажется, что именно это он делает лучше всего на свете. Мне представлялось, что Чаплин не умеет править машиной. Вечера, когда случалось его видеть, за рулём сидел шofer, очень осторожный и аккуратный, не прешающийся довольной скорости, а, скорее, наоборот. Понятно: он возит Чарли Чаплина. Но несколько раз у меня мелькала мысль, что

может быть, и Чаплин немного боится? И вот однажды случилось поехать с ним за город, довольно далеко. Когда все подошли к машине, за рулём сидел сам Чаплин. «Разве вы умеете править?» — спросила я. «Невинога», — ответил он. «Я сижу рядом. В случае чего, помогу», — улыбнулась жена Чаплина. Мы выехали за город. Ветер был таёвный. За городом дорога не освещается. Путь был извилистый, гористый. Он поехал с большой скоростью. Без какого напряжения, с обычным, непринуждённым изысканием, рассказывая какие-то смешные истории. Шофёр Чаплин оказался таким же совершенношим, как и таншором, генишном, рассказником, не говоря уже о том, что известно всем, какой он актер и режиссёр.

Сейчас Чарли Чаплину пятьдесят шесть лет. Но, по существу, он очень молод. Многие многой юности, которые по возрасту годились бы ему в сыновья. Он любит молодость. Подлинное вдохновение молодости, часто угасает и не-образованное, он предпочитает холодному мастерству и охоту профессионализму. Ему мало кто явится из признанных, знаменитых кинозвезд. Только те, кто сумели сохранить внутреннюю юность и пылкость в своём творчестве, могут гордиться их Чаплин признаёт. Сам он стал актёром в очень ранней молодости. Выступал со своим номером, чем-то вроде мопсоватки, в кабачках и небольших varietà. Не представлял собой ничего особенного. Денег получал мало. Однажды он простудился и потерял голос. Отказаться от выступления было невозможно: каждая копейка была дорога. Он вышел на эстраду и сыграл свой скатч без слов — немецкий. В этот вечер и родился Чарли Чаплин.

В одной из центральных частей города помещается киностудия Чаплина. Маленькая, старомодная, без последних технических усовершенствований, которыми так поражают большие студии Голливуда. Во дворе до сих пор ещё

стоит декорация улицы из «Диктатора» — его последней картины, — в пантоне — большой зал оттуда же. Студия пуста. Никого сейчас нет в ней, кроме сторожа. Скоро хозяйка её закончит работу на сценарием, и тогда тут снова всё оживится. Маленький прожекторный зал. Небольшая уборная, где он гриммуется. В ней нет огромных зеркал и бесчисленных флаконов, которыми уставлены гримировальные уборные голливудских звёзд. Чаплин открывает шнур стола — чёрный карандаш, чёрное крыло для усов, затычка лыка. «Вот я весь мой грим», — говорит он. В шкафу — старые, широкие, длинные брюки, баламаи с загнутой жеру и носами, тросточка котомка. Сразу улавлишь их, как старых знакомых, — вышедшие аксессуары маленького человека из «Новых времён», из «Очей большого города». В юной картине «Синия борода» Чарли Чаплин впервые собирается появиться без своей обычной маски.

Однажды он показывал у себя в студии несколько своих картин. Я зашла на просмотр маленькому давлению. Всё время Чаплин не спускал с неё глаз, внимательно следил за её реакциями. «Вот настоящее, непосредственное, неспорное восприятие», — сказал он, когда картина кончилась, — ради этого стоить работать».

Мне кажется, не все слух общества в Америке по-настоящему оценивают глубокое творчество Чаплина. Думаю, что не чувствуют этого он не может. А что может быть трагичнее для подлинного художника невоинания его аудитории? Просвирная живо и непосредственно любые проявления жизни, он любит это видеть в других. Когда Чаплин получил приглашение из Москвы образцу пригластельных билетов на его фестиваль, он обрадовался, как ребенок. Держа конверт с билетами в руке, он нетерпеливо искал очки, которые как назло всегда теряются, когда особенно нужны. На-

Рабочий момент киностудии в одной из студий Голливуда.

пёс. Придерживая их одной рукой, он углубился в рассмотрение билетов с гордостью их всем показывая, напевая «Гайда, трайга, снег пушуйся!» — признак хорошего настроения и его единственное познание в русском языке...

Говорить и шептать о Чаплине можно бесконечно. Можно с самых различных точек зрения разбирать его творчество. Писать о нём как об актёре, режиссёре, музыканте, актёре кино и комедийном актёре с тем же успехом можно на основании лёгких шутки с ним рассказать свои впечатления о Чаплине — живом человеке, который живёт в доме, жерёт в тенише, ездит на машине. Младенца в колыбели покачивающей только меланхолично над всем того, что можно увидеть в этой замечательной личности.

ДИММИ ХАУ

Младенчик черноволосый человечек. Некрасивое, но очень симпатичное лицо. Красные, длинные, неутюженные руки. Они всё время в движении, всё время чем-то заняты. Длинные пальцы сплетаются, расплетаются; берут спичку, и через минуту она превращается в какую-нибудь забавную фигуру. Скатывают хлебный шарик, шарик, не расставаясь с пальцами, вдруг куда-то исчезает, и потом эти пальцы издеваются его из своего неожиданного местонахождения, закручивая крашочку, или в тарелке сабеснилка, садящего на другом конце стола... Один фокус смеется другим. И всё это незаметно, но специально, независимо от разгоров, индужено за столом, как будто эти злые смуглые паразиты сами выжили сами по себе, своей собственной, очень интенсивной жизнью.

Эти талантливые руки принадлежат Джимми Хау, по национальности китайцу, одному из самых крупных кинооператоров Голливуда.

Джимми попал в Голливуд ещё мальчиком. Работал в киностудии: бегал по местам поочередно, подмывал руки. Оказался на съемке у талантливого режиссера Сесль де Милья не оказалось одного из помощников, на котором лежала обязанность держать доску перед кадром. Дело это несложное, всякий может с ним справиться. Джимми взял доску в руки Джимми, его и поспеша заменить отсутствующего. Сесль де Милья проматывал заснятый в этот день материал, он обратил внимание на Джимми, голову которого при его малом росте только и виднелась из-за доски.

— Кто этот мальчик с таким смешным лицом? — спросил де Милья. — Я хочу, чтоб он всегда работал со мной, его лицо мне нравится...

Джимми жил далеко от студии. Де Милья работал с утра до позднего вечера. Автобус ходил только до определенного часа. Другим средством передвижения у Джимми не было. Поиском? Но он так устал за день, а для того, чтобы добраться до дома, надо было идти по крайней мере полчаса. Гостиница Сесль де Милья решила, что он съедет в её квартире. Де Милья снимал в то время картины, в которых главным образом фигурировали роскошные салоны. Широкие мягкие кровати с бесконечными простынями в кружевах, с лёгкими атласными одеялами для диванов, и восторжничать симпатичная Глория Сенсон и другие звезды экрана, вырванные Джимми. После съёмки он забирался в благоустроенную студию постель и крепко спал в павильоне до следующего утра...

Джимми всегда интересовался фотографией. Очень любил снимать портреты. Многие девушки из массовок интересовали его не стали теперь знаменитыми актрисами) соглашались иногда служить моделями для его фотографий. Если снимок получался удачным, ему даже платили Джимми по 40 центов.

Однажды Джимми набрал храбрости и проследил разрешения у одной очень крупной звезды сделать её портрет. Неожиданно она согласилась. У неё были светлые волосы и белокожее глубокое лицо, которые в зрелом возрасте получались

портреты бесценными. На фотокамере Джимми они встали тычками и вырзательными. Актриса пришла в восторг. Нашла, что это её самая лучшая фотография за всю жизнь. «Можете ли так же снять меня и на камеру?» — спросила она. Джимми растерялся, долго не мог найти, что сказать, и, наконец, от полного смущения ответил, что, конечно, может.

Прошло несколько месяцев. Вдруг однажды его вызывает администрация студии. Ему говорит: «Джимми, теперь пора выходить из студии, она Джимми растерялся, долго не мог найти, что сказать, и, наконец, от полного смущения ответил, что, конечно, может.

Каким образом на фотографии получилось тёмные глаза, Джимми сам не знал. В павильоне в то время, где он снимал портрет кинозвезды, встал изучать обстановку. В павильоне висели чёрный бархат. Он решил, что во всё время съёмки, тёмные глаза на фото получились потому, что отражались в себе черноту бархата. Джимми взял камеру чёрным бархатом, проверил только маленькую дырочку для объектива. Начал снимать картину. Когда по ходу съёмки ему нужно было что-нибудь сказать актрисе, он приподнял бархат и посмотрел на неё. В этот момент с этого началось слава Джимми Хау. Пошёл слух, что в студии появился таинственный человек с восточным лицом. Претендент за чёрным бархатом и чуть ли не колдует светлые глаза превращает на экране в тёмные... Все голубоглазые звезды стали требовать своим оператором только Джимми.

Однажды он снимал картину с участием известной актрисы. В сценарии была сцена, где героиня, утомившая бесочной ночью (она полагала доктору принимать близнецов), смотрит в зеркало и говорит: «Как я устала и как мне тяжело, как я ужасно выгляжу!» Когда на экране дошли до этого места, Джимми посмотрел на актрису и сказал: «Вы выглядите прекрасно, эти слова звучат грустно!».

Звезда была, как всегда, красива, грим — свежий, а абсолютное похороде. Актриса изумилась и согласилась, что Джимми прав. Она пришла к нему, чтобы сказать ему спасибо, но он не позволил доктору принимать близнецов, смотрит в зеркало и говорит: «Как я устала и как мне тяжело, как я ужасно выгляжу!» Когда на экране дошли до этого места, Джимми посмотрел на актрису и сказал: «Вы выглядите прекрасно, эти слова звучат грустно!».

«Ты с ума сошёл, Джимми», — сказали они, — почему ты так ужасно счита актрису?» Джимми объяснил, что он сделал это специально, потому что иначе по сравнению получалось бесценными.

— Это — твоё дело, — ответил ему, — наши звезды должны быть всегда свежими и прекрасными, и ты обязан снимать их как можно красивее и лучше...

После этого случая Джимми, уже к этому времени признанному талантливым оператором, стали поручать снимать голливудские картины. Джимми вылез, дотаял вещей и т. п. В полном недоумении Джимми пошёл выяснять, в чём дело.

«А это наказание за то, что ты изуродовал нашу звезду»...

Возмущению Джимми не было предела. Он ушёл из этой студии и больше никогда к ней не вернулся.

Первую свою картину Джимми снял, когда ему было двадцать два года. Сёйчас он ровно столько старее. Он снял уже около ста фильмов. Теперь его слушаются, уважают, считают за его мнение. Он настоящий царь своего дела, талантливый художник. В работе он требователен к себе, к своим помощникам и к себе. Хороший товарищ, все его любит в студии. На съёмках, во время перерывов, его ласково руки раздвигают товарищеские фокусасы, знают которых непереносим.

Советский зритель знаком с работой Джимми в двух фильмах «Северная звезда». Недавно Хау закончил съёмки картины «Контратака» (режиссёр — Золтон Корда, сценарий Хауард Лоссон), сделанной также на советском материале периода Отечественной войны.

♦ Мозг человека в среднем весит около 1400 граммов. У выдающихся людей бывает и очень большой и очень малый вес мозга. Мозг Тургенева веса 2012 граммов, Маяковский — 1700, а Анатолия Франса — всего 1017 граммов.

♦ На современном линейном корабле свыше 90 тысяч электрических ламп. В те далекие времена, когда только вводилось электрическое освещение при помощи «свечи Илбачкова», самый крупный корабль освещался несколькими десятками электрических ламп.

♦ Одна австралийская дельта 500 миллионов квадратных километров. Это достаточно не уничтожилась бесчисленными врагами, голой бор устриц у берегов США позволила бы покрыть территорию всей этой страны слоем устриц толщиной в 10 метров.

♦ Жизнь на суше ограничивается поворотом земли и очень небольшими слоями грунта. В океане же существует это и на глубине 10 километров.

♦ Электронный микроскоп, в котором увеличенные изображения получаются благодаря бомбардировке электронами светящихся экранов, позволяет делать фотографии с увеличением в 100 тысяч раз. Крошечный шарик в таком масштабе будет выглядеть как полуметровая крышка водопроводного крана, а человеческий волос покажется стволом громадного дерева.

♦ Каждую секунду на земном шаре происходит около 100 ударов молнии. Каждый год регистрируется около 10 тысяч землетрясений.

♦ Самый богатый из океанов — Тихий. В Тихом океане имеется 620 видов рыб, а в Атлантическом — только 110.

♦ Ямкитные деревья, растущие в Калифорнии, являются самыми старыми и самыми крупными деревьями в мире. Возраст их — 3500 — 4000 лет. Эти деревья отличаются необыкновенной живучестью, срубленные стволы не засыхают и продолжают не сколько лет.

♦ Впервые в истории применения электричества на войне электрический ток пропущен через проводящие заграждения русскими войсками при обороне Порт-Артура. В некоторых местах на подступах к фортам крепости были установлены «электрические изгороди», как они тогда назывались.

♦ Вычислено, что не менее одного процента золота, серебра, меди, свинца, цинка и кадмия, добываемых в США, уходит в атмосферу при обработке этих металлов.

♦ Лягушка гораздо более, чем человек, приспособлена для путешествия на земле. Главная причина этого — высокая скорость, неизбежная при посылке космических кораблей — ракет — на орбиту в мировое пространство.

♦ Рикюктя, которую держит водитель электротрикопа, называется «ручкой тормоза человека»; если водителю потерять сознание или внезапно умереть и отпустить ручку, особый механизм тотчас останавливает поезд.

♦ Применение электричества в медицине началось задолго до того, как люди научились снимать электрические токи и делать электрические элементы. Греки и римские врачи лечили некоторые болезни, состоящая пациентов касаться рук, созданных в своём теле сильных электрических зарядов.

♦ Пауки могут четыре — пять лет жить совершенно без пищи. Ещё более выносливы собачьи клещи. Учёный, забывший приготовить для опытов клещей в пузырьках, нашёл их ещё живыми через шесть лет.

Подмосковный пейзаж.

Фотоэтиюд Г. БОРИСОВА

НОВЕЛЛЫ О КНИГАХ

В № 3—4 «Смены» была помещена очерк эстрадного артиста Н. П. Смирнова-Сокольского «Моя библиотека», в котором автор, известный в Москве библиофил, рассказывает о своей соборной книге, богатом редкими русскими изданиями.

Вот уже несколько лет Н. П. Смирнов-Сокольский занят описанием имеющихся у него книг, их истории, судьбы, обстоятельств, при которых они приобретались. Несколько таких новелл о книгах мы помещаем ниже.

I. «С кровью сердца»

Недавно скончавшийся замечательный русский поэт-баснописец Демьян Бедный (Ефим Алексеевич Придорогов) был великим знатоком и страстным собирателем книг.

Свою огромную — свыше тридцати тысяч томов! — библиотеку он составлял несколько десятков лет и, доведя её до совершенства в смысле полноты и подбора, отдал в Литературный музей.

— Устраивай книги на место, пока сам ещё жив. Не оставляй их сиротами, — так примерно говаривал мне поэт, до самозабвения поглощённый в русскую литературу и в русскую книгу.

Но, отдав свою великолепную библиотеку в музей, поэт заскучал и начал собирать книги снова. За несколько дней до смерти он ещё путешествовал по букинистическим магазинам, покупая книги и радуясь той или иной находке.

Знал он книги замечательно. От допотопских старинных «Вечерней душевных» до современных книг, вышедшей буквально вчера, — всё знал и любил это талантливый поэт.

— Ефим Алексеевич, — обратился я к нему как-то лет пятнадцать назад, — как вы думаете, стоит мне взять книгу «Житие Ушакова» Радичева в издании 1789 года?

Я не обратил внимания на паузу, которую сделал Демьян Бедный, прежде чем ответить. Он знал, что я беспрекословно слушаю его советы, взять или не взять ту или иную книгу, и настолько познавально мне сам с указанием: в такой-то лавке есть такая-то книга — возьми!

Он любил книги и любил людей, её любящих. Он был рыцарем книги.

На этот раз, после паузы, Демьян спросил, как бы совсем равнодушно:

— Где это тебе предлагают Радичева?

— Да вот там-то и там-то. Только дорогова-

то, по-моему, и потом «Житие Ушакова» Радичева — это ведь не его «Путешествие из Петербурга в Москву». Стоит ли разоряться?

И опять я не обратил внимания ни на сверлящий глаз Демьяна, ни на то, что поэт оставил мой вопрос без ответа, заговорив о чём-то другом.

За ночь раздумья я всё-таки решил взять книгу и днём отправился в магазин, где мне её предложили. Каково же было моё изумление, когда мне сообщили, что Демьян Бедный пришёл к магазину задолго до открытия, первым вошёл в него, купил «Житие Ушакова» и просил, если кто увидит меня, сообщить, что он просят זאת к нему.

Через несколько минут Демьян «пнулся» меня в все корки.

— Книгу, конечно, я взял себе! — гремел он. — Может быть, это и некрасиво, неидеально — пожелать! Но собиратель, который смеет советовать, взять или не взять «Житие Ушакова», обладает этой книгой, но не знает, что буквально каждая строчка Радичева — веса золота, — значит не знает ничего! Собирай марки! Коллекционеры подпитывают великих людей, но не своей думкой о книгах!

И тут же мне рассказал о том, что великий русский писатель-революционер Александр Николаевич Радичев, автор знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву», воспомянувшего во времена Екатерины русское общество страстным протестом против рабства и крепостного права, юной был волею для получения образования загранично. Он находился в числе ряда молодых людей, отобранных для этого самой императрицей, в то время ещё, разумеется, не пользовавшейся, кого она отбирает. Среди этих молодых людей был и Фёдор Васильевич Ушаков, вольнодумный друг Радичева, оказавший на него громадное влияние. Ушаков умер зарвавшись 23 лет на руках у Радичева.

Когда Радичев вернулся в Россию, он свой первый печатный самостоятельный труд (до этого вышло только два его перевода) озаглавил «Житие Фёдора Васильевича Ушакова, с правдивыми некоторыми его сочинениями». Книга состояла из двух частей. В первой — собственно «Житие», написанное Радичевым, во второй — некоторые сочинения самого Ушакова, отрывки и дополнения Радичевым.

ные Радичевым. Книга более чем смело рассуждала о самодержавии, о деспотизме и рабстве. Современники (А. М. Кутузов) сообщают о впечатлении, которое произвёл этот труд Радичева: «Книга вызвала много шума. Начал кричать — какая дерзость! Позвоительно ли говорить так? И т. д.»

Однако до появления «Путешествия из Петербурга в Москву» ни сама книга «Житие Ушакова», ни автор её никак не предостерегаемы не подвергались. Только с момента ареста Радичева, последовавшего немедленно после выпуска в 1791 году «Путешествия», все его труды, в том числе и «Житие Ушакова», тщательно отбирались и уничтожались. Вышло так, что радичевское «Житие Ушакова» стало книгой значительно более редкой, чем «Путешествие». Экземпляры последнего насчитываются в числе почти полутора десятков, в то время как «Житие Ушакова» известно в двух — трёх библиотеках, включая и экземпляр, выхваченный у меня из-под носа Демьяном. Трудно переценить ценность этой книги.

И не отдам, — гудел Ефим Алексеевич, — пока не увижу, что ты хоть что-нибудь знаешь о книгах! И не выкажи! Срам!

Три года после этого, когда возникла какой-нибудь книжный вопрос, Демьян ехидно говорил:

А вот спросим у знаменитого библиофила Сокольского...

Для меня это всё было великолепной школой, которой я бесконечно обязан поэту. Демьян говорил правду, правдивые ответы, — Вот, вот ещё лет ятвюк — и вымашит он у меня «Ушакова»!

«Вымашит» удалось чуткою ранней. Недо заметить, что у меня давיתה, вероятно, моё профессора, и никак не забыть. Как-то, рассматривая книгу Демьяна (редко кому позволял он это), я обратил внимание на книжку издан в 1827 году — «Фемиды». Книжка представляла собой нечто вроде свода судебных постановлений по жезловому порядку в старой России. Во время работы над фельетоном на «Правды» Демьяну экстренно потребовалась именно эта книга. Эвояк.

— Слышишь, знаменитый библиофил! Книжку «Фемиды» знаешь? Нет ли у тебя?

Я затвля дыхание. Как? Я видел книгу у самого Демьяна, а сн её размысливать? Ну, сейчас «ерянет бой!»

Я деликатно ответил, что сию минуту приду. Приехал с подарком:

— А разве у нас у самого, Ефим Алексеевич, нет этой книги?

— Да вот, попомню, лет десять ишу её по букинистам — ну, не попадается, да в толк! У тебя — нет?

— У меня лично, Ефим Алексеевич, нету. Но у одного моего знакомого собирателя имется... Только собиратель, правда, чудной автсся. У него много, и он даже не знает, какие у него есть, каких у него нет...

— Кто ж это чудовище?

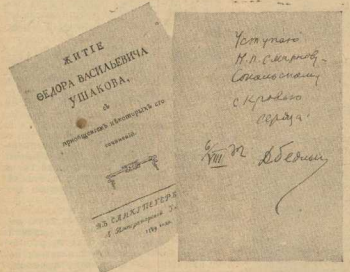
— Да мы его знаем... Это известный поэт — Демьян Бедный. Книга у него в четвёртом шкафу, на шестой полке, а он её, видите ли, десять лет у друга размысливает...

Пауза была тяжёлая, как свинец. Демьян молча открыл нестеряемый шкаф, в котором у него хранились наиболее редкие книги, достал радичевское «Житие Ушакова», сел за стол, радичевскую книгу и, вынув самопишущее перо, всё ещё молча написал на оборотной стороне перешитой книги:

«Уступлю Н. П. Смирнову-Сокольскому — с кровью сердца!»

Демьян Бедный.

Молча отдал мне книгу, и я так же молча унёс домой драгоценный подарок поэта.

Титульный лист книги А. Н. Радичева «Житие Ушакова» издания 1789 года с дарственной надписью Демьяна Бедного.

II. Приключения одной комедии

В 1798 году, во времена Павла I, вышла из печати комедия «Ябеда», сочинение русского поэта и драматурга Василия Васильевича Капниста. Союзом для комедии, так разные удавшиеся по провозу и заново, нечесту, царившему в судах того времени, послужил собственный судебный процесс: автор, проигранный им в саратовской судебной палате.

Поставленная впервые в Петербурге, комедия имела громадный успех у зрителей. Ее фамилия действующих лиц достаточно говорила об ее содержании: Крысоводов, Хаатайко, Котев. Язы фраз и выражений из комедии немедленно вошли в поговорки: «Занялся сны, да исполнителя лжику спусотасты и т. д. Один из героев комедии, преследуемый ее Крысоводов, поет с членами палаты такие куплеты:

«Бери Большой в том нет науки,
Бери, что только можно за науку,
На что ж привнеси нам родину,
Как ле в то, что браться!»

Вызвав восторг у охотн. «Ябеда» одновременно вызвала яростное негодование других. Оскорбленные чиновники-бюрократы сострадали донос Павлу на автора. Стремительный в своих решениях Павел тут же издал распоряжение: комедия запрещена, напечатанные экземпляры сдать, автора сослать в Сибирь. Книга немедленно была прерогрордена на костер, а автор комедии Капниста фельдшерские книги помчали в Сибирь.

Но вечером того же дня Павел пожелал вдруг проверить правальность своего повеления.

III. «Я покажу им ирионию!..»

Маленькая, в 1/4 долю листа, скромная книжечка, носившая такое скромное название — «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кириловым», — появилась в Петербурге в 1845 году.

Потенциальный цензор А. Крылов, утомленный изданием журнальных статей, в которых — как, это из сточки, впервые подан под существующий порядок!.. — с радостью поставил разрешительную печать на первом выпуске такого полезного, а главное, благонамеренного издания.

Издатель, созданный артиллерийский штаблекаптант Кирилов, преподаватель павловского кадетского корпуса, через некоторое время лично пришедший за разрешением на второй выпуск «Карманного словаря», еще больше успокоил почтенного цензора. Со всем в благодное настроение привела его предельная издательская бумага от штаба главного начальника военно-учебных заведений. Брат царя, великого князя Михаила Павловича, разрешающая повсюду второй выпуск «Словаря» его августейшему имени.

Единственно, против чего запростоивал цензор, — это против помешания на обложке названия об уже вышедшей в свет книжке под редакцией того же штаб-капитана Кирилова, носившей название «Тертый калач. Сны из провинциальной жизни».

— Неудобно, господа капитан! На первом выпуске я вам это разрешил — пожалуйста. А сейчас — неудобно. Августейшее имя, и здру «Тертый калач». Нехорошо!

— Да ведь книжка-то уже вышла и вам разрешена...

— Знаю, знаю. И предатьте, жалко. В этом «Тертом калаче» я очень понравился! «Де много дураков — житье так подвонд!» Это, правда, из Имзальова, запрещать было неудобно, но хорошо. Кстати, я был только редактор, а кто автор?

— Вам имя его ничего не скажет. Это один очень молодой и очень талантливый юноша.

Он приказал дать вечером комедия в Эрмитажном театре. Трепещущие актеры разыграли «Ябеда», причём в театре сидели только два зрителя: сам Павел и великий князь Александр.

Эффект был совершенно неожиданный. Павел приказал вернуть Капниста с дороги и даже милостиво обладал его.

К история печатного экземпляра комедии остался добывать немного. Ещё до запрещения «Ябеда», после первого её представления, Капнист, а благодарностью за хорошие исполнение роли Крысоводов, дал разрешение актеру Крутицкий напечатать комедия в свою пользу. Крутицкий напечатал «Ябеда», снабдил его гравированной картинкой-фронтисписом с изображением «Истны», развешенной Пищию злад.

Несколько экземпляров книги напечатаны на особой бумаге, с вложением добавочного листа, на котором было помещено письмо Капниста к актеру-издателю с благодарностью за хорошее исполнение роли и с позволением напечатать «Ябеда» в свою пользу.

Как всяк песь тираж издания (1211 экземпляров) был сожжен, книга стала большой библиографической редкостью. Что же касается так называемых «доходных» экземпляров, отмеченных на особой бумаге, с добавочным листом, любознито документированное издание, то такие принадлежат к редчайшим диковинкам библиотечного царства.

Эту диковинку, несомненно как позволяющую в лавочку букиниста, удалось пощепить мне — в отличном виде, с фронтисписом и добавочным листом.

Фронтиспис к комедии «Ябеда» Капниста в издании 1798 года.

Приехал из Сартова поступать в университет, Чернышевский Николай Григорьевич.

«Карманный словарь иностранных слов» вышел в свет, имея на обложке второго выпуска имя августейшего великого князя, брата Николая I.

И здру скандал. Кто-то, заинтересовавшись небольшим спросом на словарь, задумал вычлительно прочесть его «от доски до доски». Волосы зашевелились на голове у читателя. Он увидел, что слово «ириония» было объяснено авторами «Словаря» таким, например, образом:

«Ирионий называется кажушисом разлад между мыслью и формой её выражения. Так, например, нельзя не признать ирионического характера сочинению Маккиавелли «О монархе». Можно догадаться, что похвалы его деслолотно суть не что иное, как сильная прозяка и сатира».

Слово «Ирионий» объяснил читателю, что учение Христа имеет основным догматом малосердие, а целью — водворение свободы и уничтожение частной собственности».

И так далее и так далее. Основы учения Сен-Симона, фурье, слова и идеи, о которых не только писать, думать боялись в то время, во всеуслышание, толково и обстоятельно, не стесняясь влюбками и параллелизмами, рассказывал маленькая книжечка.

Когда разразился скандал и выяснялась вся злобность авторов и издателей словаря, не подорожали бы ни цензору, ни тем, кто хоть как-нибудь был причастен к его изданию. Но трюк с посвящением «Словаря» члену царской фамилии скозымал по рукам и ногам даже ничем не стеснявшегося Третье отделение, т. е. козлауку.

Дело решила заметить. Оставшаяся нераспроданная литература первого выпуска «Словаря» отбрана и уничтожена, второй выпуск, почти все дежавши ещё в типографии, сожгли на корню. Цензору объявила выговор, во издателей и авторов решили не трогать.

Казалось, тем дело и кончено. Но Николай I был не из тех, кто мог что-нибудь забыть. За участниками «Словаря» установили наблюдение, продолжавшееся три года.

Выяснилось прежде всего, что официальный издатель «Словаря» — штаб-капитан Кердов — лило не главное. Властолюбивым, душой и энергией своего дела оказался М. В. Бухарин-Петрашевский. По происхождению дворянин, он служил чиновником в министерстве иностранных дел и организовал вокруг себя кружок интеллигентной петербургской молодежи. Собираясь у Петрашевского по пятницам, кружок занимался обсуждением политических вопросов, критикой существующего строя, вопросами освобождения крестьян и т. д. В его историю, помимо самого Петрашевского писателя Салтыков-Шедрина, Достоевский, Плещеев, критик Валерия Майков и др. Более или менее причастными к «петрашевцам» оказались и Великий (только смерть спасла его от ареста по этому делу) и молодой Чернышевский.

Охрана ввела в кружок провокатора Антоновского, доноси которого позволяли в 1849 году нанести сокрушительный удар по организации.

Николай I разъярённо стучал кулаком по столу:

— Я покажу им ирионию!

Как известно, большинство «петрашевцев» было приговорено к смертной казни, заменённой потом каторгой. Сам Петрашевский так и умер в Сибирь. Побывав на каторге и великий русский писатель Достоевский, Жесток пострадал и другие.

«Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кириловым» — не только одна из редчайших книг, но и любознательный памятник по истории русского революционного движения. Ко мне эта книжечка, чудесная по полноте и сохранности, перешла из собрания покойного библиографа Л. Бухтеява.

ЯКОВ РОМАС

Ученик известных художников П. П. Кончалевского и И. М. Грабаревича, окончив в 1930 году ВХУТЕМАС, Яков Ромас становится мастером декоративно-оформительского искусства.

Автор художественного оформления Музея Ленина (Москва), автор зала Советского Союза на Международной выставке в Нью-Йорке и ежегодного оформления площади Свердлова в дни майских и октябрьских торжеств, Яков Ромас стремится работать и в другой области. Эта область — живопись.

Собойно любит художник Каспийское море. Тихие вечера, в которые он алкобалдас лачными судами, слыша плеск воды о борта лодок в весеннюю пору, нашла отожение в его оригинальных этюдах.

Война нарушила жизненный уклад и планы художника. Яков Ромас был призван в ряды Военно-Морского Флота и в качестве художника эскадром Балтийского флота с июля 1941 года по август 1942 года участвовал в боях за родину.

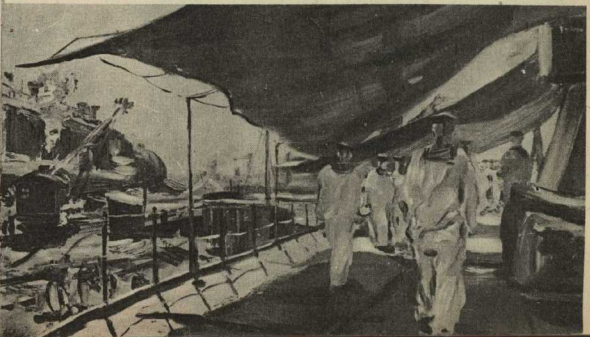
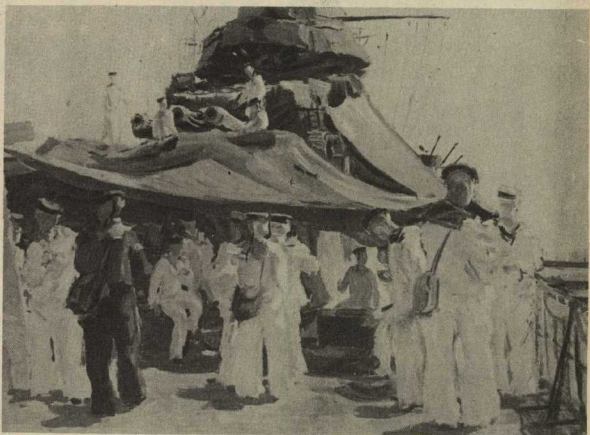
В эти месяцы долгие месяцы ленинградской блокады Яков Ромас находился на крейсере и непосредственно участвовал в защите города от врага.

В этот момент у художника возникла мысль о написании картины «Зимние залпы Балтики», картины, имевшей затем заслуженный успех.

Другие этюды Ромаса: «Зенитчики», «На бадедаль», «Перекурка», «Маскировка военного корабля» — также привлекают внимание своей искренностью и мастерством.

После окончания войны Яков Ромас снова уезжал на любимый им Каспий.

НА СНИМКАХ РАБОТЫ ХУДОЖНИКА Я. РОМАСА: 1. Зенитчик-наблюдатель. 2. Зенитчик. 3. Перекурка. 4. На крейсере.

Цена 2 руб.

Артистка Е. Швецова в роли Любушки в картине «Гриданов с вензелями».

Фото З. Великовой.